

БЕЛОЗЕРОВ Василий Клавдиевич — д.полит.н., заведующий кафедрой политологии Московского государственного лингвистического университета, сопредседатель Ассоциации военных политологов (119034, Россия, г. Москва, ул. Остоженка 38; vk_belozerov@mail.ru)

СОЛОВЬЕВ Алексей Васильевич — к.филос.н., доцент Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (119991, Россия, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский пр-кт, 27, корп. 4; alexol.ross.msc@mail.ru)

ГИБРИДНАЯ ВОЙНА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ И НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. В статье дается обзор использования понятия «гибридная война» в отечественном политическом и научном дискурсе. Показан генезис понятия, излагаются основные подходы, обозначившиеся в ходе проведенных дискуссий. Предпринята попытка выявить инструментальный смысл нового понятия, формулируются выводы для теории и практики.

Ключевые слова: гибридная война, политика России, политический и научный дискурс, научное сообщество, доктринальные документы России и США в области безопасности и обороны, национальная безопасность России, политическая теория войны

Сначала текущего года в ряде ведущих столичных вузов были проведены научные мероприятия, посвященные осмыслению довольно быстро распространившегося в научном и политическом лексиконе понятия «гибридная война». В конце января прошел межвузовский круглый стол в Военном университете Министерства обороны РФ «Гибридные войны XXI века». Спустя месяц факультетом политологии МГУ им. М.В. Ломоносова был организован научный семинар «Гибридные войны в хаотизирующемся мире XXI века». В мае факультетом социологии и политологии Финансового университета при Президенте РФ был проведен научный семинар по теме «Гибридные войны как феномен XXI века». Думается, проводились и другие мероприятия. В целом же можно констатировать, что фактически имела место пролонгированная научная дискуссия.

Авторам настоящей статьи в той или иной мере довелось принять участие в названных и иных мероприятиях, посвященных феномену гибридной войны и непрерывающейся трансформации современных военных конфликтов. Предлагаемый вниманию читателя материал не претендует на вынесение окончательного вердикта относительно правоты или неправоты той или иной высказанной точки зрения. Преследуется гораздо более скромная цель — попытаться дать общий обзор состоявшейся дискуссии, сделать выводы для теории и практики. При этом нельзя не учитывать и то обстоятельство, что проведенными мероприятиями проблема анализа трансформации войны не исчерпана: уже после состоявшегося обсуждения произошло (и происходит) немало событий, осмысление которых требует компетентного подхода теоретиков и практиков.

Прежде всего, отметим, что само по себе состоявшееся обсуждение действительно заслуживает внимания хотя бы в силу уже того обстоятельства, что являет собой достаточно показательный пример обращения отечественного научного сообщества к появившемуся термину и к связанным с ним военно-политическим феноменам.

Как представляется, нет смысла перечислять всех участников и пересказывать содержание прозвучавших выступлений и докладов — материалы названных мероприятий либо уже вышли из печати [Гибридные войны... 2015], либо будут опубликованы в ближайшее время, и желающие получают возможность ознакомиться с ними.

Генезис понятия: *cui bono?*

Весьма важным для понимания мотивов, исходных позиций участников развернувшихся дискуссий и их содержания является определение происхождения

самого термина «гибридная война». Предварительно следует отметить, что практически всегда подобные термины в отечественном политическом и научном дискурсе являются заимствованными, приходят из-за рубежа. О «гибридности» же как о характеристике военных конфликтов современности впервые заговорили лишь несколько лет назад, и вновь за рубежом. Так, бывший министр обороны США Р. Гейтс описывал «гибридные сценарии военных действий», в которых сочетается «смертоносность вооруженных конфликтов между государствами с фанатичным и неослабевающим рвением экстремистов, ведущих нетрадиционные боевые действия». В этих условиях наступают такие войны, в которых продукция «Майкрософт» сосуществует с мачете, а технология «Стелс» соседствует с камикадзе» [Гейтс 2009: 26].

Вскоре «гибридность», как по команде, продолжила свое триумфальное шествие по политическому, военному и научному лексикону. В 2010 г. рабочая группа НАТО (*Planification stratégique & Concept*) дала следующее определение «гибридной угрозы» — это угроза, созданная реальным или потенциальным противником (государством, негосударственной организацией или террористами), которая заключается в реализованной или предполагаемой возможности одновременного применения традиционных и нетрадиционных военных методов для достижения своих целей [Kudors 2015]. Можно предположить, что «гибридная угроза» и прочие вариации использования прилагательного «гибридный» являются продуктом американской корпорации РЭНД (*RAND Corporation*) или иной американской «фабрики мысли», деятельность которых становится все более идеологически ангажированной. Отметим, что именно корпорация РЭНД ранее уже ввела в оборот ряд новых терминов, и в т.ч. термин «информационная война». Указанное понятие к настоящему времени прижилось и активно используется в военно-политическом дискурсе.

Что же касается судьбы прилагательного «гибридный», то с 2015 г. оно приобрело новое качество, поскольку стало использоваться в устойчивом сочетании практически только с «войной». Одновременно произошла резкая активизация использования понятия «гибридная война» в политическом лексиконе. Так, на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2015 г. события на юго-востоке Украины охарактеризовали как гибридную войну и президент Петр Порошенко, и канцлер Германии Ангела Меркель. Вторя им, бывший генеральный секретарь НАТО Андерс Фог Расмуссен и главнокомандующий Объединенными вооруженными силами НАТО в Европе Филип М. Бридлав также обвинили Россию в том, что она ведет в Украине «гибридную войну», представляющую собой сочетание известных и новых способов ведения противоборства. Термин дружно подхватили и во многих других западных государствах. Таким образом, произошла связка понятий «гибридная война» и «Россия», на чем эволюция «гибридности» и остановилась. Возможно, лишь временно. При этом у авторов неологизма обнаруживается озабоченность не столько «гибридной войной» самой по себе, сколько другой псевдопроблемой — желанием «агрессивной» России изменить существующий международный порядок и наличием у нее амбиций на региональное и глобальное доминирование [Kudors 2015]. При этом следует отметить, что такое видение происходящего находит понимание у некоторых исследователей и в нашей стране. В частности, в отечественных научных изданиях появились публикации, содержащие весьма критическую по отношению к нашей стране позицию. Заключается она в том, что именно «фантомные боли» по былому могуществу вынуждают современную Российскую Федерацию к проведению реваншистской политики, которая проявляется в резко увеличении военных расходов и проведении военных силовых акций в отношении сопредельных государств с использованием тактики «гибридной войны» [Мошкин 2014].

Уже после состоявшихся в России вышеназванных научных дискуссий понятие «гибридная война» стало закрепляться и в официальных доктринальных документах на Западе. Например, в опубликованной Пентагоном 1 июля 2015 г. Национальной военной стратегии США (*The National Military Strategy of the United*

States of America 2015)¹ раскрытие содержания понятия «гибридная война» также осуществляется посредством устойчивой связки с нашей страной. В документе приводится следующее характерное суждение: «Существует область конфликта, в которой пересекается государственное и негосударственное насилие. Его участники объединяют и смешивают методы, силы, средства и ресурсы, чтобы достичь своих целей. В таких “гибридных” конфликтах могут участвовать военные, отрицающие свою причастность к государству, как это сделала Россия в Крыму». В данном случае обращает на себя внимание содержащееся в главном военно-стратегическом документе США прямое указание на жесткую привязку к гибридным войнам именно России (предпочитающей обращаться именно к этому методу действий), и именно в связи с событиями на юго-востоке Украины. Согласно Стратегии, «в гибридных конфликтах могут также участвовать государственные и негосударственные игроки, совместно добивающиеся общих целей и применяющие богатый арсенал оружия, что мы наблюдаем на востоке Украины. Гибридные конфликты обычно усиливают неопределенность и двойственность, усложняют принятие решений и замедляют взаимодействие, направленное на осуществление эффективных ответных действий».

Помимо прочего, подобные констатации означают, как минимум, признание того, что для США оказались неожиданными как действия России в Крыму², так и внутренний вооруженный конфликт на Украине, возникший вследствие неприятия частью населения страны незаконного силового захвата власти в Киеве.

Если ознакомиться с тем, о чем пишут эксперты из *Revue del' OTAN magazine* (электронный журнал НАТО), то можно сделать вывод, что международные организации, подобные Североатлантическому альянсу, не знают, как адаптироваться к новому типу агрессии, названному гибридной войной. При этом утверждается, что русские оказались хитрее, что в информационной войне они страшны, что *Russia Today* бьет прямо в цель³. В издании совершенно справедливо утверждается, что кризис выходит далеко за пределы Украины. Артикулированная позиция российского руководства интерпретируется следующим образом: «...защита русских по происхождению не возлагается на страны, где они проживают, или на институты этих стран, а на Россию. Таким образом, вся наша интерпретация международного права разбивается вдребезги»⁴. В итоге для западного обывателя создается ужасающая картина, будто агрессивная Россия по всем статьям превосходит Запад. Подобное управление восприятием направлено на достижение поддержки гражданами увеличения военных расходов и мер по усилению давления на Россию.

Показательно все же то, что обсуждение «гибридизации» военной сферы началось значительно раньше, чем произошли события в Крыму и на юго-востоке Украины.

Инструментальный смысл неологизма

С учетом того, что и за рубежом, и в нашей стране новый термин привлек внимание научного сообщества (прежде всего, в теоретическом плане) и представителей политической элиты (в основном в практико-пропагандистском ключе), имеются основания сосредоточиться на его восприятии и на использованных в дискуссии аргументах, разобраться в его функциональности и содержательности.

Очевидно, что «гибридная война» является лишь одним из множества терминов, которые применяются по отношению к так называемым «новым войнам». Им приписываются такие названия, как «война управляемого хаоса», «войны третьего рода», «приватизированные войны», «мультивариантные войны», «комплексные

¹ The National Military Strategy of the United States of America 2015. URL: http://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Publications/2015_National_Military_Strategy.pdf (accessed 21.08.2015).

² Маршал Советского Союза Д.Т. Язов, оценивая то, что Крым без единого выстрела вошел в состав России, признал, что «это искусство... Политическая, так сказать, работа. И военная работа. ...Все сделано было, как положено». См.: *Комсомольская правда*. 2014. 8 мая.

³ La guerre hybride et le choix de la riposte. URL: <http://www.nato.int/docu/review/2014/Russia-Ukraine-Nato-crisis/Russia-Ukraine-crisis-war/fr/index.htm> (accessed 20.08.2015).

⁴ Ibid.

военные действия» [Калдор 2015: 378, 384] и т.д. Поэтому, думается, термин «гибридная война» — не самый худший вариант из приведенного перечня хотя бы потому, что он оказывает воздействие как на рациональное, так и на эмоциональное восприятие субъектом военно-политической действительности. Ведь очевидно, что в теоретическом плане более конструктивным является понятие «гибридный конфликт», в пропагандистском же аспекте более эффективным остается «гибридная война». Как известно, сама категория «война» гораздо сильнее затрагивает эмоциональную сферу личности, что не может не учитываться при организации воздействия на массовую аудиторию.

В ходе же проведенных научных мероприятий, о которых шла речь, некоторыми исследователями обосновывалась позиция, согласно которой «гибридные военные действия» и «гибридная война» — это два разных феномена, поскольку ведение военных действий — еще не война... В данном случае подчеркивалось, что гибридная война — нечто качественно иное, нежели гибридные боевые действия, гибридная угроза и т.д.

В целом же при обсуждении понятия «гибридная война» выявились три основные позиции. В первом случае отстаивается мнение о том, что понятие введено западными военными теоретиками и политиками в пропагандистских целях для обвинения России в событиях на Украине. По мнению других исследователей, понятие объективно отражает реальный феномен современных военно-политических отношений. Наконец, приверженцы третьей позиции утверждают, что понятие обладает определенными возможностями, способствующими раскрытию существующих связей современного военно-политического процесса, но вместе с тем используется как инструмент информационного противоборства между противниками, став элементом современного политического дискурса.

Оценивая различия, проявившиеся в изложенных подходах, следует отметить, что первым препятствием, на которое можно натолкнуться при попытке объективного рассмотрения данного явления и понятия, его отражающего, — это отсутствие четкой дефиниции войн подобного рода. Сложившаяся ситуация приводит к путанице в понимании сущности нового типа войн и, следовательно, к трудностям в классификации войн вообще. В информационной записке «Гибридная война: новый вызов Европе» [Kudors 2015], подготовленной представителем действующего в Латвии Центра восточно-европейских политических исследований (*Centre d'études politiques est-européennes*) Андисом Кудорсом, приводится одна из существующих дефиниций: «гибридная война — это конфликт, связанный с наличием внутренних или внешних угроз для какой-либо страны, в которой одновременно применяется несколько типов ведения военных действий: обычные вооруженные силы, тактика нерегулярных вооруженных формирований, а также нелегитимные действия, нацеленные на дестабилизацию ситуации» [Kudors 2015]. Однако сделать из этого однозначный вывод, что «гибридная война» относится непосредственно к России, весьма затруднительно. Аналогичным образом следует оценить и другие известные определения.

Кроме того, на примере «гибридной войны» видно, что содержание этого понятия зависит от того, в каком контексте оно употребляется. «Гибридная война» может иметь две трактовки и использоваться в узком и широком смысле. В первом случае под гибридной войной можно подразумевать комбинированный вид боевых действий. В качестве примера можно указать то, каким образом действует Украина против Донецкой и Луганской республик. Ведь именно нынешние власти Украины совместно с США и своими сателлитами ведут необъявленную гибридную войну с непризнанными республиками, де-факто применяя весь инструментарий гибридной войны. Во втором случае речь идет о противоборстве между противниками в различных сферах (асимметричной борьбе). Думается, США против России ведут именно гибридную войну.

Следует отметить, что термин является обоюдоострым. Обвинения в ведении такой войны слышатся как с одной, так и с другой стороны. США и их сторонники обвиняют в этом Россию. Кстати, все претенденты на мировое господство, приходившие с мечом на нашу землю, нас же и упрекали, что Россия воюет «не по

правилам». И участь всех их была незавидна. С другой стороны, Россия и ее сторонники имеют основания утверждать, что именно против них развязана необъявленная война. В этих условиях возникает необходимость выработки общепризнанного юридического определения.

Зная американский прагматизм и склонность к изучению реальных явлений, нетрудно предположить, что образцом для описания сущностных черт данного типа конфликта стали многие силовые акции США, предпринятые ими после разрушения биполярной системы военно-политического взаимодействия в международных отношениях. Читая Национальную военную стратегию США, без особого труда можно соотнести военные действия Вашингтона (в одиночку или вместе с союзниками) против различных субъектов международных отношений в недавнем прошлом и в настоящем с «гибридным конфликтом/войной». Фактически здесь имеет место своего рода военно-политический автопортрет и самодиагноз американского государства.

В связи с этим возникает вопрос: почему такой тип политического противоборства пытаются жестко привязать к России? В данном случае необходимо зафиксировать существенное обстоятельство, которое всегда следует иметь в виду при любой рефлексии рассматриваемого неологизма: появление и внедрение в научный и политический лексикон термина «гибридная война» фактически имеет идеологическую детерминацию. По замыслу разработчиков, термин предназначен стать расхожим штампом, «ярлыком» для оценки действий России. По крайней мере, анализ содержания только лишь Национальной военной стратегии США 2015 г. объективно приводит именно к таким выводам.

Вообще замысел введения подобных неологизмов обычно весьма прост: всегда быть на несколько шагов впереди потенциального противника, чтобы навязать ему и мировому сообществу свое видение конфликтов и определенную их оценку посредством создания видимости научного и беспристрастного анализа с использованием заранее установленных понятий. Отсюда с неизбежностью возникают логичные вопросы относительно целесообразности и обоснованности усилий, направленных на концептуализацию понятия «гибридная война».

Возникновение связки-установки «гибридная война = Россия» можно объяснить предполагаемыми задачами, которые решаются США и их партнерами посредством ввода нового понятия: уйти от объективной оценки событий; подменить понятия с целью искажения истины; «назначить» виновных за вооруженный конфликт; скрыть свою заинтересованность и участие в конфликте; уйти от ответственности за развязывание конфликта; испортить имидж России как одного из главных конкурентов; внести раздор в отношения между Европой и Россией; получить политические и иные дивиденды в случае удачного проведения информационно-пропагандистской акции и т.д. Главная цель США в данном проекте прежняя — обеспечить безусловное сохранение за собой статуса единственной сверхдержавы в изменяющемся мире.

Доктринальные документы США 2015 г. (Стратегия национальной безопасности и Национальная военная стратегия) хорошо отражают экспансионистскую позицию США на мировой арене, их желание во что бы то ни стало сохранить однополярную систему международных отношений. Сами по себе документы являются инструментом информационной войны и пропаганды. С их помощью формируется такой образ мира и место в нем США, который устраивал бы руководство этой страны. Более того, создаются условия, способствующие распространению гибридных войн.

Выводы и перспективы

Подводя итоги изложенного выше, можно заключить следующее.

Состоявшееся в российских вузах обсуждение следует расценить как естественную и взвешенную реакцию отечественного научного сообщества на изменения в политической практике и на появление нового термина. В ходе состоявшихся мероприятий были представлены весьма любопытные точки зрения, развернутые и обоснованные позиции, вплоть до полярных. На суд весьма компетентной

аудитории были публично вынесены продуктивные гипотезы и суждения. Помимо содержательного характера дискуссии, нельзя не отметить и чрезвычайно конструктивный стиль обсуждения. Безусловно, в своей совокупности все это открывает новые горизонты для исследований.

Вместе с тем полноценные основания, позволяющие утверждать, что в лице гибридной войны мировое сообщество столкнулось с неким принципиально новым и загадочным феноменом, отсутствуют. В публикациях авторов настоящей статьи соответствующая аргументация излагалась, в т.ч. анализировались взгляды классиков философской, политической и военной мысли. Феномены же, подобные гибридным войнам, неоднократно имели место и ранее. Так, современные специалисты, исследовавшие феномен тотальной войны в историческом аспекте, признавая его понятийную неопределенность и невозможность реализации таких действий в полном виде, отмечают, что «суть тотальной войны – сознательное втягивание гражданских лиц в военные действия» [Ферстер 2005: 26].

Думается, привнесение в социальную и политическую практику самых различных «войн» имеет негативные и многоаспектные последствия. Внедрение их в массовое сознание способствует привыканию социума к насилию, повседневности его применения, чем у общества снимается «болевого порог» отношения к войне, размывается грань между миром и войной со всеми вытекающими последствиями.

Спекулятивный характер процесс распространения «военных» неологизмов приобретает и потому, что слишком уж часто в последние годы и без критического осмысления в отечественную науку входят с Запада самые различные «войны». Такое заимствование (и подражание) работает вовсе не на оригинальность российской науки, а скорее на ее несамостоятельность и внешнюю зависимость. Стоит также задаться вопросом: не для введения ли в заблуждение нашего научного сообщества вводится в оборот понятие «гибридная война»? Не забудут ли про него вскоре, как это случилось ранее со многими схожими понятиями?

Следует констатировать: экспертное и научное сообщество все еще ограничено в адекватном познании военно-политической действительности ввиду, прежде всего, отсутствия полноценной теории войны, в т.ч. политической теории войны. Отсюда ясно, что перспективы перед представителями науки открываются самые амбициозные.

Кстати, в связи с осознанием образовавшегося в научном знании пробела действия по его устранению предпринимаются в авторитетных исследовательских организациях за рубежом. В частности, в Австрии совместными усилиями Венского университета и Академии национальной обороны недавно создан Центр полемологических исследований, к работе которого планируется привлекать зарубежных специалистов. В апреле 2015 г. в рамках проекта «Современные культурные, интеллектуальные и религиозные ландшафты Европы и мира», созданного Международным центром развития научных, культурных и политических взаимодействий «Кросс-Перспектива» (*Cross-Perspective*) в Париже и Институтом неосократиков, при участии авторов настоящей статьи обсуждался и феномен гибридных войн в его различных проявлениях. Думается, многообещающие перспективы для осмысления может открыть консолидация усилий научного сообщества в стране и кооперация с зарубежными коллегами.

В завершение необходимо отметить следующее. Как показывает опыт, дискуссии и исследования по военно-политической проблематике в постсоветской России редко завершаются имплементацией полученных результатов в практику в виде официальных установок, положений доктринальных документов в сфере безопасности и обороны. Хотелось бы, чтобы этого не произошло на сей раз. Ведь военно-политическая ситуация развивается динамично, а секретарь Совета безопасности России Николай Патрушев в мае 2015 г. заявил о разворачивании работы по корректировке основных документов стратегического планирования страны, Стратегии национальной безопасности и Доктрины информационной безопасности. Создаваемые доктринальные установки не должны оставлять сомнений в качестве их проработки, должны быть способны остудить «горячие головы» про-

тивников и мнимых партнеров России и дать четкие ориентиры государству, обществу и силовым институтам.

Список литературы

Гейтс Р. 2009. Сбалансированная стратегия. — *Россия в глобальной политике*. № 2. С. 20-32.

Гибридные войны XXI века: материалы межвузовского круглого стола. 29.01.2015 г. 2015. М.: Изд-во ВУ. 310 с.

Калдор М. 2015. *Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху*. — М.: Изд-во Института Гайдара. 416 с.

Мошкин С.В. 2014. Внешняя политика России: «гибридная война» вместо «мягкой силы». — *Дискурс-Пи*. Т. 11. № 1. С. 168-173.

Ферстер Ш. 2005. Тотальная война. Концептуальные размышления к историческому анализу структур эпохи 1861–1945 гг. — *Россия и война в XX столетии. Взгляд из удаляющейся перспективы*. Материалы международного интернет-семинара. М.: АЙРО. С. 11-28.

Kudors A. 2015. Note d'information. Guerre hybride: un nouveau défi de sécurité pour l'Europe. URL: <http://www.parleu2015.lv/files/cfsp-csdp/wg3-hybrid-war-background-notes-fr.pdf> (accessed 20.08.2015).

BELOZEROV Vasily Klavdijevich, *Dr.Sci.(Pol.Sci.)*, Head of the Chair of Political Science, Moscow State Linguistic University, Co-chairman of the Russian Association of Military Political Scientists (38, Ostozhenka St, Moscow, Russia, 119034; vk_belozero@mail.ru)

SOLOVIEV Alexey Vasil'evich, *Cand.Sci.(Philos.)*, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy (27, bld. 4, Lomonosovskiy Ave, GSP-1, Moscow, Russia, 119991; alexol.ross.msc@mail.ru)

HYBRID WAR IN THE DOMESTIC POLITICAL AND SCIENTIFIC DISCOURSE

Abstract. This article provides an overview of the use of the concept of hybrid war in Russian political and scientific discourse. It also illustrates the genesis of the concept, outlines the main approaches designated in course of discussions. The authors also attempt to identify the instrumental sense of the new concept and make meaningful conclusions for application in the theory and practice.

Keywords: hybrid war, policy of Russia, political and scientific discourse, scientific community, doctrinal documents of Russia and the USA on security and defense, national security of Russia, political theory of war